

© 1996 г. Б.Б. ХОДОРКОВСКАЯ

ОБ АНАФОРИЧЕСКОМ МЕСТОИМЕНИИ В ИТАЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В индоевропейских языках анафорическое местоимение с корнем *i- (напр. др.-инд. *ayám, iyám, idám*, авест. *ayám, im, imat*, лат. *is, ea, id*, гот. *is, si, ita*, лит. *jis, ji*) выделяется среди других местоимений, имеющих формы рода, сложностью и нерегулярностью парадигмы. Уже один этот факт может указывать на то, что парадигма неоднократно перестраивалась и в какой-то части представляет собой реликт более древней системы. В свое время К. Бругман писал, что ни у одного местоимения, имеющего формы рода, и вообще ни у одного склоняемого слова парадигма не характеризуется столь пестрым разнообразием форм, как у местоимения *i-. [Brugmann 1908:42]. Полагая, что в падежной системе индоевропейских местоимений супплетивизм играл значительную роль, К. Бругман утверждал и для этого местоимения супплетивные корни *i-, *e- [Brugman 1911:307]. Это положение принято многими лингвистами и поныне [Семереньи 1980:220; Beekes 1982:209; Seebold 1984:62; Klingenschmitt 1987:184]. Основным аргументом, подтверждающим наличие корня *e- в формах местоимения *i-, считается форма генитива ед. ч. лат. *eius*, др.-инд. *asyá*, на основании чего реконструируется и.-е. *e-sjo, и датива ед. ч. умбр. *esmei*, др. инд. *asmai* (*e-smei) [Brugmann 1911:327; Семереньи 1980:220]. Но известно и другое мнение. Современник К. Бругмана известный исследователь оскско-умбурского языка Р. фон Планта считал, что предположение о супплетивных корнях *i-, *e- недостаточно обосновано и что имеется один местоименный корень *i-/ei- [Planta 1897:212]. М. Лойман отмечает, что сопоставление латинского генитива *eius* и др.-инд. *asyá* предполагает, что сочетание -sj- имело отражение в латинском языке в виде -jj-, но ни одного примера, подтверждающего этот переход, нет [Leumann 1977:477]. Я. Сафаревич пишет, что происхождение окончания латинского генитива -ius не известно. Основами латинского местоимения *is* он считает *i-lej-* и *ejo-lá-* [Safarewicz 1969:176, 177].

Помимо формальной стороны не вполне ясен вопрос о первичном значении местоимения *i-. В индоиранских языках оно имеет значение "этот" и относится к числу указательных местоимений, что дало основание Бругману отнести его к числу местоимений с "Я-дейксисом" и считать анафорическое значение вторичным [Brugman 1904:39]. Напротив О. Семереньи и Э. Зебольд считают местоимение *i- исконно анафорическим [Семереньи 1980:220; Seebold 1984:62].

Цель настоящей статьи – исследование местоимения *i- в итальянских языках, особенно в оскском и умбурском, изолированное положение которых на западной окраине индоевропейского ареала могло способствовать сохранению в них отдельных архаичных черт в морфологии и синтаксисе. Чтобы выявить путь формирования парадигмы склонения этого местоимения в дописьменном периоде истории предпринята попытка внутренней реконструкции.

Характерной чертой местоимения *i- во всех итальянских языках является формант номинатива ед. ч. -s (лат. *is*, оск. *izic* (*is-i-k), умбр. *erek* (*is-i-k), которого нет у

указательных местоимений (ср. лат. *hic* "этот", *ille* "тот"). Окончание номинатива *-s* имеется в местоименном склонении, помимо *is*, только у вопросительного местоимения (лат. *quis* "кто", оск. *pis*, ср.-др.-греч. *τίς*, хет. *kuiš*). Корреляция форм местоимений *quis* и *is* очевидна:

в латинском Nom. *quis, quid* – *is, id*
 Acc. *quem* – арх. *im*
 Dat. *quoi* – *ei*

в оскском Nom. *pis, píd* – *izic, idik*
 Acc. *phim* – *ionc*
 в умбском Dat. *pissime* – *esmei*

Соотношению этих двух местоимений в плане выражения отвечает соотношение в плане содержания: на вопрос *quis* "кто?" следует ответ *is* "тот (о ком спрашивают)", где с вопросительным значением одного местоимения соотносится анафорическое значение другого. Такое же структурное сходство имеется в наречиях, образованных от тех же местоименных корней умбр. *pufe* "где" – умбр. *ife*, лат. *ibi* "там". Корреляция форм и значений этих двух местоимений позволяет предполагать, что анафорическое местоимение, подобно вопросительному местоимению лат. *quis* "кто", *quid* "что", первоначально имело только две формы номинатива *is* – *id* и так же две формы аккузатива *im* – *id*, служившие противопоставлению значений "лицо" – "предмет". Следует отметить, что соответствующая латинской форме *im* кипрская форма аккузатива *lv* толкуется в словаре Гезихия посредством двух местоименных форм мужского и женского рода *αὐτόν*, *αὐτήν*, т.е. имеет значение лица, а не грамматического рода. [Walde-Hofmann 1938:720]. Предположение о двух изначальных формах номинатива и соответственно аккузатива местоимения **i-* поддерживается тем, что в итальянских языках имеется различие в синтаксическом употреблении форм номинатива и аккузатива мужского и женского рода.

В оскских и умбских текстах формы номинатива оск. *izic*, умбр. *erek* и аккузатива оск. *ionc* указывают только на лицо. Они имеют субстантивную функцию и входят в состав анафорической конструкции *pi-lpo-* : *i-* "кто : тот, он". Ve¹ 2,7 *piei ex comono pertemest izic eizeic zicel[ei] comono ni hipid* "кому воспрепятствует в (проведении) собрания, тот в этот день пусть не имеет собрания". Ve 2,14 *suae pis ... dicust izic comono ni hipid* "если кто-нибудь ... скажет, он пусть не имеет собрания". Tab. Ig. Va 11 *affertur pisi pumpe fust erek ...* "кто будет жрецом, тот..." Vlb 50 *ere fertu poe ...* "тот пусть несет, кто..." Ve 2,12 *suaepis ionc fortis ... moltaum herest* "если кто-нибудь захочет сильнее оштрафовать его" (о ком говорилось выше). Ve 2,17 *suae pis contrud exeic fefacust ionc ...moltaum licitud* "если кто-нибудь поступит вопреки этому, его ...можно наказать".

В отличие от форм. оск. *izic*, умбр. *erek* форма номинатива женского рода ед. ч. оск. *iúk* употребляется чаще как местоимение-прилагательное, согласованное в предложении с определяемым существительным; референтом является не лицо, но какой-нибудь предмет внеязыковой действительности. Ve 1,11 *inim iúk tribarakkiuf pam núvianús tribarakattuset* "и ту постройку, которую построят ноланцы ..." Ve 2,4 *pon ioc egno comprascuster* "когда это дело (о котором говорилось выше) будет обсуждаться". Ve 74 *diuvilum turentium ... iúk destrst* "стелу Теренциев ... она справа". Tab. Ig. Vlb 16 *ape eam purdinsust* "когда ее (жертвенную лепешку, о которой говорилось выше в Vlb 14) протянет". Форма женского рода местоимения **i-* имеет, таким образом, помимо анафорической функции, также атрибутивную функцию, которой нет у форм номинатива и аккузатива оск. *izic*, *ionc*, умбр. *erek*, и которая, вероятно, изначально была свойственна именно форме женского рода. Соответственно форма женского рода имеет иную основу с другой аблаутной ступенью корневого вокализма **ej-a-*. С воз-

¹ "Ve" обозначает книгу Э. Феттера [Vener 1953]. В соответствии с принятыми в этом издании обозначениями жирным шрифтом выделяются надписи на национальных алфавитах, обычным – надписи на латинском алфавите.

никновением формы женского рода более ранняя система форм, противопоставленных по семантическому признаку "лицо : предмет" (лат. *is* : *id*, оск. *izic* : *idik*), параллельная так же двухчленной системе форм вопросительного местоимения (лат. *quis* : *quid*, оск. *pis* : *pid*), сменилась трехчленной системой с противопоставлением форм по роду лат. *is*, *ea*, *id*, оск. *izic*, *iuk*, *idik*.

Наиболее древняя часть парадигмы склонения местоимения **i*- и параллельно парадигмы вопросительного местоимения – номинатив и аккузатив – может быть реконструирована на основании имеющихся в итальянских языках форм следующим образом:

Одушевленный род	Неодушевленный род	Одушев. род	Неодушев. род
Nom. лат. <i>quis</i> , оск. <i>pis</i>	Nom. Acc. лат. <i>quid</i> , оск. <i>pid</i>	Nom. лат. <i>is</i> , оск. <i>izic</i>	Nom. Acc. лат. <i>id</i> , оск. <i>pid</i>
Acc. оск. <i>phim</i>		Acc. лат. арх. <i>im</i>	
Nom. * <i>k^his</i>	Nom. Acc. * <i>k^hid</i>	Nom. * <i>is</i>	Nom. Acc. * <i>id</i>
Acc. * <i>k^him</i>		Acc. * <i>im</i>	

Есть основание считать, что эти формы местоимения **i*- на древнейшей ступени истории были так же индифферентны к роду (мужскому и женскому) и к числу, как и формы вопросительного местоимения.

Возникновение на более поздней ступени исторического развития форм женского рода – номинатив **eĭā* и аккузатив **eĭām* – имело следствием формирование в аккузативе новой формы мужского рода **eĭom* на базе уже имевшегося в языке соотношения основ женского рода на *-ā* и мужского рода на *-o*-. Эта тематическая форма аккузатива мужского рода представлена в итальянских языках: лат. *eum*, оск. *ioms*. Поскольку формы номинатива и аккузатива множественного числа имеют те же тематические основы **eĭo*-/*-ā*-, их также следует считать более поздними образованиями. Вот парадигма склонения местоимения **i*- в итальянских языках:

	Осский			Умбровский		
	муж. р.	жен. р.	ср. р.	муж. р.	жен. р.	ср. р.
Nom. sg.	<i>izic</i>	<i>iā</i> ^{2,3}	<i>idik</i>	<i>erek</i> ^{4,5}	–	<i>efek</i> ⁶
Acc. sg.	<i>iom</i> ⁷	<i>iak</i>	–	–	<i>em</i>	–
Nom. pl.	<i>iusc</i>	–	–	–	–	–
Acc. pl.	–	–	<i>ioc</i>	–	<i>em</i>	<i>eu</i>
Gen. sg.	<i>eisels</i>	–	–	<i>erer</i> ⁷	<i>erar</i>	–
Abl. sg.	<i>eisid</i>	<i>eisak</i>	–	<i>eruku</i>	<i>erak</i>	–
Dat. sg.	–	–	–	<i>esmei</i> , <i>esmik</i>	–	–
Loc. sg.	<i>eisai</i>	<i>eisai</i>	–	<i>esme</i>	–	–
Gen. pl.	<i>eismuk</i>	<i>eizazunc</i>	–	<i>eru</i> , <i>erom</i>	–	–
Dat. Abl.	<i>eizois</i>	<i>eizasc</i>	–	<i>erir-ont</i> ⁸	–	–

² Во всех итальянских языках отмечается падение интервокального *-i-* [Leumann 1977:126]. В осском языке *e>i* в хите [Bottiglioni 1954:26].

³ Долгое *ā>u*, *o* в абсолютном конце слова в осском и умбском. Примыкающая частица не в счет [Bottiglioni 1954:25].

⁴ В осско-умбском языке была тенденция к более открытому произношению краткого *i>e*, который в осском национальном алфавите передавался графемой *i* [Bottiglioni 1954:29; Meiser 1986:43].

⁵ В умбском языке *s>ʃ* в интервокальной позиции и в конце слова [Meiser 1986:240].

⁶ В умбской орфографии спонтизация интервокального *-d-* передавалась графемой *f* [Meiser 1986:218].

⁷ В умбском языке *ei>e* [Meiser 1986:123].

⁸ В умбском языке окончание датива-аблатива мн. ч. *-ois>-is>-ir*.

Характерной особенностью парадигмы местоимения **i*- в осском и умбском языках является противопоставление прямых падежей, имеющих основы **i*- и **eĭo*-/*-ā*-, всем косвенным падежам, у которых основа **eĭso*-/*-ā*-. Согласно принятому объяснению,

эта основа была выделена из формы генитива мн. ч. оск. *eisunk*, ср. др. инд. *eṣā m* (**ei-s-ōm*) в результате переразложения основы **ei-s-ōm* и получила распространение в косвенных падежах [Brugmann 1911:330; Leumann 1977:467; Schmidt 1978:63; несколько иначе Pisani 1964:19]. Однако ответа на вопрос, поставленного в свое время Р. фон Плантой, (почему это распространение охватило только часть падежей и почему именно косвенных падежей) нет [Planta 1897:215].

Рассмотрим эту часть парадигмы анафорического местоимения. В оскском языке, в котором сохранились дифтонги, форма генитива *eisels* более прозрачна, чем умбрские формы *erer*, *erar*. В оскской форме *eisels* можно выделить более древнюю часть **ei-s* и видеть в ней архаичную форму генитива от основы *i-*. К этой форме **ei-s* позже было вторично присоединено окончание генитива *-eis* именных основ на *-i-* (ср. оск. форму генитива ед. ч. *aeteis* "части" – генитив мн. ч. [a]tūm). Реконструируемая форма генитива **ei-s* позволяет объяснить латинскую форму генитива *eius* как результат трансформации исконной формы **ei-s* с флексивной заменой окончания генитива **-s* на **-os*, т.е. **ei-s* → **ei-os* > *eius* (фонетически *eijus*), ср. замену окончания генитива **-os* на **-es* в имени *Venerus* – *Veneris* [Leumann 1977:435].

В умбрском языке имеются две формы генитива: форма мужского рода *erer* (**eiseis*) и форма женского рода *erar* (**eisās*). Обе формы в тексте согласованы с существительными-антецедентами в роде, ср. фрагмент текста молитвы в Игувинских таблицах: Tab. Ig. VIa 23 *ocriper ... totaper... erer nomneper erar nomneper* "ради крепости... ради государства... ради имени ее, ради имени его". Наличие в умбрском языке форм генитива мужского и женского рода объясняется тенденцией к проникновению категории рода во все падежи местоимения **i-*, что является инновацией в умбрском языке. В латинском языке, где имеется одна форма генитива, сохраняется более архаичный статус местоимения, при котором в генитиве, имеющем основную синтаксическую функцию определения имени, нейтрализовано противопоставление значений лица и предметности релевантное для номинатива и аккузатива одушевленного и неодушевленного рода.

Умбрская форма генитива женского рода является вторичным образованием от архаичной основы генитива **ei-s*, т.е. **ei-s-ā-s* > *erar*. Соотношение основ женского и мужского рода **ei-s-ā-*: **ei-s-o-* определило формы всех косвенных падежей ед. и мн. ч. в оскском языке, имеющих нормальные тематические окончания: аблатив ед. ч. муж. р. *eisud* и жен. р. *eisak*; датив-аблатив мн. ч. муж. р. *eizois* и жен. р. *eizasc* (**eisais-k*); локатив ед. ч. муж. р. *eisel* и жен. р. *eisai*; генитив мн. ч. муж. р. *eisunk* (**ei-s-ōn-k*) и жен. р. *eizazunc* (**eisā-s-ōn-k*). В форме генитива жен. р. между основой и окончанием появляется *-s-*, имеющее параллель в других языках (ср.-др.-инд. *tāsām*, др.-греч. τῶν) и являющееся, по мнению Т. Барроу, более древним, чем в форме генитива муж. р. [Barrou 1976:255].

В отличие от оскского языка в умбрском языке формы косвенных падежей анафорического местоимения обнаруживают два типа основ: **eiso-īa-* и **eism-* в дативе-локативе ед. ч. Элемент *-sm-* в дативе-локативе ед. ч. известен и в других индоевропейских языках (ср.-др.-инд. датив ед. ч. *asmai*, локатив ед. ч. *asmīn*, гот. датив *imma*). В умбрском языке это формы *esmik*, *esmei*, *esme* и форма датива ед. ч. *pusme* вопросительно-относительного местоимения, что, безусловно, является архаизмом в умбрском языке. Сторонники теории супплетивных корней **i-*, **e-* в анафорическом местоимении возводят умбрскую форму датива *esmei* к архетипу **e-sm-ei*. Но для умбрского языка характерна монофтонгизация дифтонгов, и начальное *e-* в *esmei* может быть отражением более древнего **ei-*, подобно тому как умбрская форма генитива ед. ч. *erer* соответствует оскской форме *eiseis*. Из трех форм анафорического местоимения с элементом *-sm-* только одна *esmik* имеет анафорическую функцию: Tab. Ig. Ia 27 *surum pesuntru fetu esmik vestiçam preve faktu* "приготовь свиную мякоть, в

нее (=ей) введи по каплям возлияние". Две же другие формы *esmei*, *esme* не имеют анафорического значения, первую из них понимают как датив ед. ч. со значением указательного местоимения "этому", вторую как локатив "в этом". Текст Tab. Ig. VIa 5, в котором употреблена форма *esmei*, имеет разное толкование, и Дж. Девото видит в *esmei*, как и в *esme*, форму локатива, предлагая одинаковый перевод "in hoc". [Devoto 1954:426]. Значение "этот", которое традиционно приписывают формам *esmei*, *esme*, Р. фон Панта объясняет влиянием указательного местоимения *es(s)o*- "этот", но почему это влияние коснулось только двух форм анафорического местоимения, не ясно [Panta 1897:219].

Представляется возможным иное толкование этих форм. Обе формы стоят в VI таблице, написанной с применением латинского алфавита, в котором для передачи краткого гласного *i* фонетически близкого к закрытому *e*, использовались три графемы: *i*, *e*, *ei* (ср. варианты написания словоформы *avis*, *aves*, *aveis* "авибу" – аблатив мн. ч. основа на *-i*) [Meiser 1986 : 43; Bottiglioni 1954:28, 29]. Поэтому написание *esme*, *esmei* можно рассматривать как графические варианты, как и считал Дж. Девото [Devoto 1954:62, 87]. Но наличие особого значения формы *esme/esmei*, не имеющей анафорического значения, присущего другим формам местоимения **i*-, заставляет видеть в этой форме особое образование. Возможно, это – наречие **ejsmi* со значением "здесь", параллельное другому наречию умбр. *ife*, лат. *ibi* "там" от того же местоименного корня **i-lei*-. Значение наречия "здесь" не противоречит смыслу контекста, в котором функционируют *esme* и *esmei*. Tab. Ig. VIa 4–5 *aserio .. anglaf esona mehe tote ioueine esmei stahmei stahmeitei* "наблюдай (или "наблюдаю", по мнению Э. Феттера) ... птиц священных для меня, для Игувинского народа здесь в установленном месте" [Vetter 1953:231]. Другой фрагмент текста, где описывается обряд очищения народа, в связи с чем предлагается уйти всем чужим, Tab. Ig. VIb 54 *eetu ehesu poplu nosue ier ehe esu poplu sopir habe esme pople portatu ...* "пусть уходит из этого народа, если не уйдет из этого народа, пусть тот, кто живет здесь в народе, доставит (его)..." Что касается третьей формы с элементом *-sm-* *esmik*, то она допускает двоякое толкование. Это может быть третий графический вариант того же наречия **ejsmi-k*, имеющий однако значение не "здесь", а "сюда". Совмещение значений места и направленности действия имеется также у наречия умбр. *ife*, что отмечают все исследователи умбрского языка, предлагая перевод "там, туда" [Devoto 1954:429; Vetter 1953:408 и др.]. Но поскольку *esmik* в тексте Tab. Ig. Ia. 27 имеет анафорическую функцию, то это может быть форма датива ед. ч. анафорического местоимения. Возможность толкования формы *esme/esmei* как наречия со значением "здесь" и возможность двоякого понимания формы *esmik* либо как наречия со значением "сюда", либо как датива ед. ч. анафорического местоимения позволяет думать об особой категории а д в е р б а-п а д е ж а, относящегося к системе форм анафорического местоимения. В умбрских текстах отразилось то состояние системы, когда на базе адверба сформировался датив, имеющий анафорическое значение, как и другие падежные формы этого местоимения, но вместо локатива пока используется адверб.

Наиболее ранняя парадигма склонения анафорического местоимения может быть реконструирована для праиталийского языка следующим образом:

Одушевленный род

Nom. **is*

Acc. **im*

Gen.

Наречие места

**es*

**esmi*

Неодушевленный род

Nom. Acc. **id*

Следующим шагом развития было расширение парадигмы за счет образования формы женского рода **ej-a* и возникновение оппозиции основ женского и мужского рода **ejā*:-**ejō*-. Старая форма аккузатива *im* была вытеснена новой тематической формой мужского рода **ejom* – лат. *eum*, оск. *ionc*.

С различием основ в формах прямых падежей (основы **i*- и **ejō/-ā*-) и в косвенных падежах (**ejso/-ā*-) связано различие в употреблении форм: если номинатив и аккузатив оск. *izic* и *ionc*, умбр. *erek* имеют всегда субстантивное употребление и в референции ориентированы на лицо, то формы косвенных падежей функционируют и как местоимение-существительное и как местоимение-прилагательное и в референции обнаруживают нейтральность к лицу. Тот факт, что во множественном числе парадигма склонения, сформировавшаяся позже, чем в единственном числе, имеет так же, как в единственном числе две группы падежных форм с разными основами: **ejō/-ā*- в прямых падежах, **ejso/-ā*- в косвенных падежах, – показывает, что в этом противопоставлении следует видеть не случайность, а проявление древнейшей закономерности построения индоевропейской парадигмы склонения. Эта архаичная закономерность состоит в системе имени в противопоставлении прямых падежей косвенным с помощью различных средств – просодических (ср. например, подвижность тона в др.-греч.-слове: номинатив *παῖς* "дитя", аккузатив *παῖδα*, но генитив *παῖδος*, датив *παῖδι*) или чередованием основ (ср. в хеттском языке номинатив *ḫara-s* "орел", аккузатив *ḫara-n*, но генитив *ḫaran-aš* [Иванов 1963:124]. В системе же местоимения в парадигме склонения противопоставлен только номинатив ед. ч. остальным падежам (ср. личное местоимение в латинском языке: номинатив *ego* "я", аккузатив *me* "меня", генитив *mei* "меня", указательное местоимение в древнеиндийском номинатив: муж. р. *sās*: аккузатив *tām*, генитив *tāsya* [Барроу 1976:252].

Древнейшее анафорическое местоимение занимало среднее место между именем и местоимением, имея как и имя такую архаичную черту, как противопоставление в парадигме склонения прямых и косвенных падежей с разными основами, с другой стороны, разделяя с местоимением такие черты, как окончание *-d* в номинативе-аккузативе ед. ч. ср. р., как наличие в подсистеме косвенных падежей нескольких групп падежей, различающихся своей основой, и как категория адверба-падежа, на базе которого сформировался датив-локатив. Структурное сходство анафорического и вопросительного местоимений: один тип основы на *-i*-, окончание номинатива ед. ч. *-s* в противопоставлении окончанию аккузатива *-m* (ср. лат. *is:im* – лат. *quis*: оск. *phim*), но в среднем роде номинатив-аккузатив на *-d* (ср. лат. *id* – *quid*) позволяет считать, что анафорическому местоимению, как и вопросительному, изначально была присуща система двух родов – одушевленного и неодушевленного, которая в дальнейшем трансформировалась в систему трех родов. Присущая членам двухродовой системы анафорического местоимения субстантивная функция и появление атрибутивной функции в связи с исторически более поздней формой женского рода дает основание предполагать, что анафорическое местоимение имело изначально статус местоимения 3 лица, отличавшегося по некоторым морфологическим признакам как от личных местоимений, так и от указательных и приближавшегося по типу строения парадигмы склонения к имени существительному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барроу Т 1976 – Санскрит М., 1976
 Иванов Вяч Вс 1963 – Хеттский язык М., 1963.
 Семереньи О 1980 – Введение в сравнительное языкознание М., 1980
 Beekes R 1982 – On laryngeals and pronouns // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 1982/83 Bd 96 Hft. 2.
 Botthigom G 1954 – Manuale dei dialetti italiani. Bologna, 1954.
 Brugmann K 1904 – Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1904

- Brugmann K.* 1908 – Pronominalé Bildungen der indogermanischen Sprachen // Berichte über die Verhandlungen der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. Bd. 60. Leipzig, 1908.
- Brugmann K.* 1911 – Grundriss der vergleichenden Laut-Stamm-bildung-und Flexionslehre. Bd. 2, 2. Strassburg, 1911.
- Devoto J.* 1954 – Tabulae Iguvinae. Roma, 1954.
- Klingenschmitt G.* 1987 – Erbe und Neuerung beim germanischen Demonstrativpronomen // Althochdeutsch. Bd. 1. Heidelberg, 1987.
- Leumann M.* 1977 – Lateinische Laut-und Formenlehre. München, 1977.
- Meiser G.* 1986 – Lautgeschichte der umbrischen Sprache. Innsbruck, 1986.
- Pisani V.* 1964 – Le lingue dell' Italia antica oltre il latino. Torino, 1964.
- Planck R.* 1897 – Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Bd. II. Strassburg, 1897.
- Safarewicz J.* 1969 – Historische lateinische Grammatik. Halle, 1969.
- Schmidt G.* 1978 – Stamm-bildung und Flexion der indogermanischen Personalpronomina. Wiesbaden, 1978.
- Seebold E.* 1984 – Das System der Personalpronomina in den frühgermanischen Sprachen. Ruprecht in Göttingen, 1984.
- Vetter E.* 1953 – Handbuch der italischen Dialekte. Heidelberg, 1953.
- Walde A., Hofmann J.B.* 1938 – Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg 1938.